

Цзи Цзывэй подготовил богатое угощение: натуральные грибы, шкворчащее на огне жареное мясо и ароматные шашлыки, окутанные дымком.

От одной миски грибного супа, от которого пальчики оближешь, по телу разлилось блаженство, и, несмотря на влажную и душную погоду за окном, на душе стало необычайно легко.

Цинь Шухуань молча уплетал еду, пока Цинь Цзай и Цзи Цзывэй вели беседу — разговоры были о вещах, в которых он ничего не смыслил и в которые не мог вставить ни слова.

Вдруг в его миску упала очищенная креветка. Цинь Шухуань поднял голову и увидел, что Цинь Цзай по-прежнему сохраняет невозмутимый вид, продолжая общаться с Цзи Цзывэем, однако его пальцы с чётко очерченными суставами уже всю разделявали ярко-красные отварные креветки.

При виде этого лицо Цинь Шухуаня вспыхнуло.

— Тан-тан любит креветки, достаточно было попросить кого-нибудь почистить их и принести, — заметил Цзи Цзывэй, чья проникательность порой пугала.

— Не нужно. Провинился — и ещё хочет, чтобы ему креветки чистили? Слишком избалован, — ответил Цинь Цзай.

Цзи Цзывэй наблюдал за тем, как руки Цинь Цзая продолжают методично работать, и про себя подумал: ты бы хоть перестал это делать.

Ночью Цинь Шухуань ворочался в постели, а затем тихонько приоткрыл дверь, собираясь отправиться к Цинь Цзаю в соседнюю комнату.

В курортном доме Цзи Цзывэя каждый номер представлял собой отдельный дворик, поэтому, чтобы добраться до Цинь Цзая, нужно было пройти через открытый внутренний двор. Стены были усеяны изящными настенными светильниками, так что здесь не было слишком уж страшно.

— Отпусти! Цзи Цзывэй, если ты сейчас же не отпустишь меня, я закричу!

В царившей тишине этот женский крик прозвучал пронзительно и неуместно. Даже стоявшие рядом комнатные растения, казалось, вздрогнули: они изо всех сил сжимали свои огромные зеленые листья, стараясь стать как можно менее заметными.

Услышав имя Цзи Цзывэя, Цинь Шухуань мгновенно остановился и замер в тени угла.

Из своего укрытия он осторожно выглянул наружу, и ему открылся полный вид на пустой коридор.

Цзи Цзывэй крепко сжимал руку девушки. Игнорируя её угрозы, он рывком прижал её к стене. Девушка была на высоких каблуках, поэтому от резкого толчка едва устояла на ногах, пошатнувшись. В это же мгновение мощная фигура Цзи Цзывэя накрыла её, вжимая в стену, и он принялся неистово целовать её.

Цинь Шухуань был ошеломлен. Он никогда раньше не видел Цзи Цзывэя таким.

Даже добравшись до комнаты своего брата, он всё ещё не мог прийти в себя. Как только Цинь Шухуань подумал о том, что его брат может точно так же проявлять нежность к какой-нибудь девушке, он занервничал. Схватив брата за руку, он принялся торопливо оправдываться:

— Брат, я был неправ! Я пошел пить в кафе только потому, что хотел накопить денег на велосипед. Пожалуйста, прости меня! Это я был одержим дурными мыслями, вел себя легкомысленно и был неблагодарным негодяем.

Цинь Шухуань стоял на коленях на кровати, жалобно вцепившись в руку Цинь Цзая. С того места, где стоял Цинь Цзай, первое, что бросалось в глаза — это прекрасные глаза Цинь Шухуаня, длинные ресницы которых обрамляли влажный от слез взгляд.

Яркий свет лампы падал на белоснежную кожу Цинь Шухуаня, а широкий воротник его пижамы распахнулся, открывая взору все, что было скрыто под одеждой.

Цинь Цзай прикрыл глаза Цинь Шухуаня рукой и поправил ему воротник:

— Впредь не смей смотреть так на других людей. И следи, чтобы одежда была застегнута.

Цинь Шухуань поспешно привел себя в порядок и, сидя на кровати Цинь Цзая, усердно закивал головой.

Мешкая и надеясь остаться ночевать с братом, Цинь Шухуань был безжалостно выставлен из комнаты и, пристыженный, поплелся к себе в кровать. Когда они возвращались домой из курортного комплекса, Цзи Цзывэя нигде не было видно, домой Цинь Шухуань и Цинь Цзай вернулись вдвоем.

Цинь Цзай купил Цинь Шухуаню новый велосипед, еще дороже и лучше прежнего. Поглаживая раму, сияющую свежей краской, Цинь Шухуань подумал: можно ли назвать это счастьем, пришедшим из несчастья?

Однажды, когда у обоих был выходной, Цинь Цзай возился с мороженым, которое Цинь Шухуань понемногу приносил домой и складывал в ящик. Глядя на битком набитый выдвижной ящик, Цинь Цзай беспомощно покачал головой. Это было так похоже на котенка, который каждый день возвращается с охоты и тайком прячет свою добычу в укромном, как ему кажется, месте.

Цинь Шухуань в шортах эффектно появился в комнате, с размаху плюхнулся на стул и в крайнем раздражении выпалил: Брат, отныне и впредь в нашем доме никто не должен терпеть людей с фамилией Ли.

Что случилось? — Цинь Цзай смахнул капельку пота, выступившую на кончике носа Цинь Шухуаня от злости.— Ли Ицы просто невыносима! Она не пригласила меня на свой день рождения, хотя позвала даже тех одноклассников, с которыми почти не общается. И к тому же... К тому же причина, которую она мне назвала, просто невероятна!!!

Дойдя до самого пика своего возмущения, Цинь Шухуань устал говорить и шумно перевел дух:

— Брат, ты знаешь, что это за причина?

Цинь Цзай посмотрел на Цинь Шухуаня, который так забавно жестикулировал, выражая свое негодование, и невольно умилился.

— И какая же? — спросил он.

— Оказывается, причина в том, что вся ее семья терпеть не может людей по фамилии Цинь!

Выпалив это, Цинь Шухуань и сам поразился нелепости ситуации. Опершись на стул, он в ярости закричал:

— Она что, держит меня за дурака?!

Даже не дождавшись ответа от Цинь Цзая, он громко затопал ногами и выбежал из кухни, бросив на ходу:

— Я больше никогда не буду с ней играть! — после чего гордо удалился.

В частном ресторане царил великолепная атмосфера. Протяжные, нежные звуки скрипки гармонировали с журчанием воды внутри помещения. Декоративный ручей напоминал реку Циньхуай с ее прогулочными лодками-хуафан, а по берегам склонялись плакучие ивы. Сюда в точности, один к одному, перенесли туманный и дождливый пейзаж речного края Цзяннань.

В отдельном кабинете Ли Ицы услужливо подкладывала еду в тарелку Цинь Шухуаня и легонько похлопывала его по плечу:

— Ну не злись. С ними я общаюсь только для вида, а по-настоящему дружу только с тобой!

Цинь Шухуань проигнорировал ее слова и отвернулся, принимаясь за фуа-гра на своей тарелке.

— Честное слово, клянусь небом, я говорю чистую правду! Мои родные даже в бизнесе дел с Цзинями не ведут.

— Тогда зачем ты дружишь со мной?

— Потому что ты замечательный! И красивый, и характер у тебя отличный — ты просто самый лучший и привлекательный человек на всем белом свете! К тому же ты единственный, кто изо дня в день неустанно ест то, что я готовлю. Что бы я ни состряпала, ты без страха берешь это в рот. Такого смелого и терпеливого человека больше нигде не сыщешь!

Под градом столь преувеличенных и лестных похвал Ли Ицы Цинь Шухуань великодушно смирился с тем, что не сможет пойти на ее день рождения.

Вечером Цинь Шухуань лежал на диване, а Цинь Цзай сидел рядом и проверял его домашнее задание.

Тусклый желтоватый свет ламп напомнил Цинь Шухуаню о днях, проведенных в доме бабушки. Из-за этого воспоминания и обиды от того, что его не позвали на праздник к Ли Ицы, чувство тоски и горечи в его сердце лишь усилилось.

— Брат, я немного соскучился по Лу Цзюаню и Сюй Цзяину. Вчера мы созванивались по видеосвязи, они рассказывали, что ходили на сплав. Жаль, что меня с ними не было.

— Тебе здесь не нравится? — спросил Цинь Цзай, отложив ручку и взглянув на развалившегося на диване Цинь Шухуаня.

— Да нет, просто вдруг вспомнились старые друзья.

Цинь Цзай сразу уловил подтекст его слов и мягко успокоил:

— Это из-за Ли?

— Ли Ицы, — тут же подхватил Цинь Шухуань.

— Да, Ли Ицы. Тебе грустно оттого, что она не пустила тебя на свой день рождения, верно?

Цинь Шухуань уткнулся лицом в щель между подушками дивана. Обида на то, что лучший друг не пригласил его на праздник, вспыхнула с новой силой, и он не сдержался, тихонько смахивая слезы.

Видя, что Цинь Шухуань молчит, Цинь Цзай понял, что угадал.

— Думаю, Ли Ицы тебе не соврала. Напротив, она очень о тебе заботится. В прошлый раз, когда ты отправил ей сообщение с просьбой о помощи, она так спешила предупредить меня,

что даже ноги ободрала, когда упала. Кроме того, в каждой семье есть свои правила и запреты, и она одна не может это изменить. Это точно так же, как и в нашей семье больше всего ненавидят людей по фамилии Ли, и этого тоже не изменить.

Уткнувшийся в диван Цинь Шухуань, услышав это, не удержался и прыснул от смеха.

Он ласково обнял Цинь Цзая за шею:

— Братик, я люблю тебя больше всех!

Наступили летние каникулы. Цинь Цзай становился все более занятым: соревнований становилось все больше, а для участия в некоторых из них требовалось проходить тренировочные сборы. Беспокоясь о том, чтобы оставлять Цинь Шухуаня одного дома, Цинь Цзай нанял сразу трех помощниц, которые должны были заботиться о его повседневной жизни и быте.

Изначально он хотел отправить Цинь Шухуаня обратно в старую усадьбу. Однако с тех пор, как они съехали и стали жить отдельно, старушка Чэнь сама навещала туда от силы пару раз в год. К тому же у нее появился новый кавалер, и сейчас они переживали самый разгар бурного романа. Поэтому план отправить Цинь Шухуаня в старую усадьбу пришлось временно отложить.

<http://bllate.org/book/21844/2264893>